

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

DOI: 10.31249/rsm/2020.01.08

М.А. Фельдман

ОТЛОЖЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ. XVI СЪЕЗД ВКП (б): МИФОЛОГИЧЕСКОЕ И РЕАЛЬНОЕ СПУСТЯ 90 ЛЕТ

Аннотация. В статье сделана попытка рассмотреть события на XVI съезде ВКП (б) (26 июня – 13 июля 1930 г.) как частный момент столкновения двух основных составляющих векторов советской истории: реализации модернизационного индустриального проекта и утопического пути, форсированного «социалистического строительства». Необоснованное и неоднократное увеличение заданий первой пятилетки Постановлениями ЦК ВКП (б) осени 1929 – зимы 1930 г. вызвало хаос в экономике СССР; взрыв социального недовольства в деревне; резкое ухудшение положения трудящихся в городе. Делегатам съезда пришлось выбирать между верностью сталинским идеологическим догмам и правдивой оценкой действительности. Факты, приведенные в статье, свидетельствуют о том, что XVI съезд ВКП (б) не стал полной победой Сталина. Большинство делегатов склонны были говорить об «ошибках» сторонников НЭПа, но не о «преступлениях». В составе ЦК ВКП (б), избранного делегатами съезда, остались Бухарин, Рыков, Томский. В составе Политбюро – Рыков. Сумма критических «крупнонок» в выступлениях делегатов создавала мозаичную, но тем не менее убедительную картину провалов и недостатков советской экономики лета 1930 г. Статистические данные, приведенные председателем СНК С.И. Сырцовым о масштабе гибели поголовья скота за зиму 1930 г., были сопоставимы с объемом капиталовложений в промышленность страны за пятилетие и могли стать приговором сталинской коллективизации. Наконец, вскоре после XVI съезда «единство и крепкая сплоченность» ВКП (б) дали трещину с появлением антисталинских групп.

Тем не менее сталинский сценарий съезда позволил предотвратить открытое системное обсуждение реальных проблем индустриализации и коллективизации, поскольку представление подлинной картины экономического и социального кризиса в стране могло подтвердить правоту главы советского правительства А.И. Рыкова и его сторонников.

Ключевые слова: партия; съезд; социализм; экономика; сельское хозяйство; индустриализация; доклад.

Фельдман Михаил Аркадьевич - доктор исторических наук, профессор, Уральский институт управления – филиал Академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Россия, Екатеринбург.

E-mail: feldman-mih@yandex.ru
Scopus Autor ID: 36349821300;
Web of Science Researcher: AAE-3287-2020

M.A. Feldman. Deferred Comprehension. XVI Congress of the CPSU (b): The Mythological and the Real 90 Years Later

***Abstract.** The article looks at the XVI Congress of the CPSU (b) (June 26 – July 13, 1930) as a specific moment of confrontation between two main vectors of Soviet history, one being the modernization project in industry and the other – the utopian way of forced «socialist construction». Unreasonable and repeated increase of targets contained in the First five-year plan by Resolutions of the Central Committee of the CPSU (b) of autumn 1929 – winter 1930 caused chaos in the Soviet economy, the explosion of social discontent in the rural areas and sharply worsened situation of workers in the city. The delegates of the Congress had to choose between loyalty to Stalin's ideological dogmas and an adequate assessment of reality. The facts given in the article show that the XVI CPSU (b) Congress was not a complete victory for Stalin. The majority of delegates tended to talk, at best, about the «mistakes» of those who supported NEP but not about «crimes». Bukharin, Rykov, and Tomsky remained in the Central Committee elected by the delegates of the Congress, while Rykov, at the same time, still occupied his post in the Politburo. The sum of critical «grains» contained in the delegates' statements produced a mosaic but nevertheless convincing picture of the failures and shortcomings of the Soviet economy in the summer of 1930. The statistics given by the Chairman of the SNK, S.I. Syrtsov, on the scale of the loss of livestock in the course of only one winter of 1930, testified to the fact that the damages roughly equaled the volume of investment in the country's industry during the five-year period. This could be the verdict of Stalin's collectivization. Finally, shortly after the XVI Congress, the «unity and strong cohesion» of the CPSU (b) cracked with the emergence of a number of anti-Stalin groups.*

Nevertheless, the Stalin's scenario of the Congress precluded an open discussion of the real problems of industrialization and collectivization, for a true picture of the economic and social crisis in the country could strengthen the position of the head of the Soviet government, A.I. Rykov, and his supporters.

***Keywords:** party; Congress; socialism; economy; agriculture; industrialization; report.*

**Feldman Mikhail Arkad'evich – Doctor of Historical Sciences,
Professor, Ural Institute of Management is a Branch
of the Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Russia, Yekaterinburg.
E-mail: feldman-mih@yandex.ru
Scopus Autor ID: 36349821300;
Web of Science Researcher: AAE-3287-2020**

В истории советского государства за каждым партийным съездом закреплялась определенная дефиниция. XVI съезду Всесоюзной Коммунистической партии (26 июня – 13 июля 1930 г.) было отведено место партийного форума,

который «проанализировал общий ход выполнения первого пятилетнего плана, одобряя мероприятия ВКП и СНК СССР» [Лельчук 1975, с. 136].

Официозное издание «История советского рабочего класса» (в шести томах), указывая на конкретную задачу – «идеология и политика правого оппортунизма были окончательно разоблачены и разгромлены на XVI съезде ВКП (б)», вместе с тем отмечало его «историческое значение» следующим образом: «Решающую роль в разработке программы развернутого наступления социализма по всему фронту сыграл XVI съезд» [История советского рабочего класса 1984, с. 267, 301].

Впрочем, столь масштабный вывод мало чем аргументировался. В результате расплывчатость определения роли съезда дополнялась уточнением отдельных производственных задач: например, «максимальной механизации строительных работ, перехода на круглогодичное строительство и создания постоянных строительных кадров» [История советского рабочего класса 1984, с. 156]; организационных вопросов: «необходимость усиления роли и участия профсоюзов в управлении промышленностью, в развитии производственной инициативы и самостоятельности рабочих масс» [История социалистической экономики 1977, с. 19].

Расставание с идеологическими шорами в постсоветскую эпоху позволило обратиться к сущностным моментам. Съезд прежде всего «одобрил действия сторонников ускорения темпов социалистического строительства», – отмечал Н. Верт [Верт 1992, с. 195]. По утверждению Р. Такера, XVI съезд замышлялся как «демонстрация единства партийных верхов в горячей поддержке Сталина». Судя по замечанию Такера, этот замысел удался: «Съезд... практически был превращен... в торжественную церемонию прославления Сталина». Но тем не менее автор указывает на «разочаровывающие итоги съезда» [Такер 2013, с. 67, 257]. Вышедшая в 2014 г. «История Коммунистической партии Советского Союза» вообще не упоминает XVI съезд ВКП (б) [История Коммунистической партии 2014].

Отсутствие системного и детального разбора материалов XVI съезда было и остается общим местом исторической литературы, невольно придавая мероприятию проходной характер. Как известно, поражение «правых» произошло на Пленуме ЦК ВКП (б) в апреле 1929 г. [Фельдман 2019]. Задания первой пятилетки были увеличены Постановлениями ЦК ВКП (б) осени 1929 – зимы 1930 г. [История социалистической экономики 1977, с. 54–64]. В чем же тогда действительно заключалась роль XVI съезда правящей партии?

Уже при открытии съезда председатель ВЦИК СССР М.И. Калинин сообщил о том, что период между съездами был насыщен достижениями, «огромными по своим масштабам и чрезвычайно плодотворными по своим качественным показателям». «Всесоюзный староста» задал тон выступлениям, уточнив вектор достижений и инициатора движения: «Не найти более пра-

вильной и более выразительной формулы ... чем лозунг впервые выдвинутый т. Сталиным о сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса» [XVI съезд 1935, с. 15–16].

На открытии съезда прозвучали 15(!) приветствий – от пролетарских районов столицы, крупнейших предприятий и колхозов, Красной армии и Красного флота. Приветствия были выстроены по единому шаблону: выражение энтузиазма от размаха социалистических преобразований, призыв покарать сторонников «правых» как отступников, готовность выполнить пятилетку в четыре года. В трех приветствиях прозвучала здравица в честь «руководителя партии» – т. Сталина; в двух – в честь вождя и «любимого вождя т. Сталина»; в двух – в честь «верного и лучшего ученика Ленина» [XVI съезд 1935, с. 19–39]. Съезд партии только открылся, а уже первое (вечернее) заседание 26 июня 1930 г. превращалось в бенефис одного человека.

Отчетный (Политический) доклад ЦК ВКП (б), с которым выступил И.В. Сталин, растянулся на два заседания съезда (утреннее и вечернее 27 июня) [XVI съезд 1935, с. 40–111]. Значительную часть Политического доклада (далее – доклад) составила картина мирового кризиса капитализма, начавшегося осенью 1929 г. Объективные данные падения производства в развитых странах Запады соседствовали с уверениями в том, что «мировой экономический кризис неизбежно будет перерастать в кризис политический», и следствием этого уже стал «поворот масс (прежде всего рабочих) в сторону коммунизма» [XVI съезд 1935, с. 49–50].

В противовес кризисным явлениям в мире капитализма доклад был насыщен примерами успешного роста советской экономики. Правда, внимательный слушатель мог заметить: плановые показатели на 1929–1930 гг. Сталин выдавал за («судя по всем данным») достигнутые результаты. В том же духе успехи индустриализации определялись по изменению доли промышленности в валовой продукции всего народного хозяйства (с 45,2% в 1927/28 хоз. г. до *плановых* 53% в 1929–1930 гг.), а «командующее положение социалистической промышленности» фиксировалось по доле госсектора [XVI съезд 1935, с. 54–57].

«Успехи в сельском хозяйстве» Сталин связал с ростом посевных площадей: «Мы должны были иметь к концу пятилетки посевных площадей по колхозам 20,6 млн га. А на деле же мы имеем 36 млн га. Это значит, что уже перевыполнили пятилетнюю программу колхозного строительства в два года более чем в 1,5 раза». Вновь, как и на Пленуме ЦК в ноябре 1929 г., в сталинской интерпретации прозвучал тезис о «коренном повороте крестьянства, включая середняков, в сторону колхозов» [XVI съезд 1935, с. 65–67].

Сложнее было с обоснованием тезиса об улучшении материального и культурного положения рабочих и крестьян. Практически, кроме сведений о переходе части работников на семичасовой рабочий день (за 2,5 года были

переведены треть индустриальных рабочих), генсек ничего привести не мог [XVI съезд 1935, с. 67–72].

Раздел доклада, посвященный партии, начинался у Сталина с очередного бездоказательного утверждения о том, что «факты говорят, что генеральная линия нашей партии является единственно правильной линией» [XVI съезд 1935, с. 95]. Подлинная цена «революции в деревне», хаоса в экономике, резкого ухудшения положения народных масс – все это было хорошо известно Сталину и его ближайшему окружению, однако в докладе об этом речи не было, поскольку не укладывалось в «единственно правильную линию». Идеологические конструкции и борьба за укрепление единоличной власти не позволяли сказать правду об обстановке в стране или хотя бы указать на основные проблемы.

Вопросу о «правом оппортунизме» Сталин уделил немного внимания: теоретическая несостоятельность «правых» для генсека вытекала из «непонимания» оппонентами картины мира как поля «непримиримой классовой борьбы с капиталистическими элементами». Кроме того, доказательства несостоятельности «правых» в практической области должны были представить верные сторонники из числа делегатов съезда. Идентификация правых и троцкистов как представителей антипартийных и антимарксистских течений [XVI съезд 1935, с. 101–105] превращала недавних соратников по работе в Политбюро в отщепенцев. В то же время поддержавшие сталинский курс зачислялись генсеком в ряды «верных ленинцев», причастных к «решающим успехам в борьбе за победу социалистического строительства... и победе пролетарской революции во всем мире» [XVI съезд 1935, с. 110–111]. «Овацции всего зала» были ответом делегатов Сталину. Зал принял двойные стандарты, двойные нормы оценок и статистических показателей за правила партийной жизни, «освятив» их именем съезда.

Организационный отчет съезду представил секретарь ЦК ВКП (б) Л.М. Каганович, выделивший четыре главные задачи партии: «Обеспечение быстрых темпов индустриализации, социалистическое переустройство деревни; укрепление органов пролетарской диктатуры, обеспечение боеспособности самой партии» [XVI съезд 1935, с. 113].

Решение первой задачи связывалось с развитием социалистического соревнования, прежде всего ударничества. Каганович, приведя многочисленные примеры размаха ударничества в различных отраслях промышленности, сообщил о многочисленных случаях искусственного, административного создания отрядов ударников. Речь шла о проявлении «иждивенческих, уравнительных тенденций» при создании «тесно связанных с ударным движением»... «производственных коммун и производственных коллективов» [XVI съезд 1935, с. 116–119].

Каким же был экономический эффект от движения ударников? Как сами рабочие оценивали ударничество? В чем заключалась позиция руководителей предприятий, цехов, участков? Ответов на эти вопросы делегаты съезда не получили, за исключением скупой реплики секретаря ЦК: «Точно подсчитать экономическую эффективность ударничества очень трудно». Показательно другое: примеры *действенного* ударничества в отчете в реальности говорили о наведении элементарной производственной дисциплины [XVI съезд 1935, с. 117].

Но главное: каким образом за счет указанного инструмента регулирования можно было в разы увеличить производственные задания – осталось за рамками выступления Кагановича.

Из отчета следовало, что форсированные темпы связаны с количественными показателями охвата рабочих профсоюзами, комсомолом, МОПР, Союзом безбожников и т.п. [XVI съезд 1935, с. 115]. Вера большевиков в автоматическое позитивное воздействие организации представителей одного социума, контролируемой сверху, превратилась в незыблемый постулат государственной политики.

Проблема укрепления органов диктатуры пролетариата решалась в Отчете самым простым способом: увеличением представительства рабочих-партийцев в управленческих структурах. Безусловная полезность и эффективность такого метода не вызывала у Кагановича сомнений, даже когда он сообщил, что текучесть партийных кадров в промышленности выше текучести беспартийных. Более того, минимальный процент дипломированных инженеров и техников среди коммунистов рождает недоверие к специалистам [XVI съезд 1935, с. 149–150]. Простым способом предполагалось и укрепление правящей партии: рост численности рабочих в партийных рядах автоматически должен был привести к сближению партии и трудящихся масс. Рост рабочего ядра в период между XV и XVI съездами партии (с 57,8 до 62,2%) подавался как выдающаяся победа большевизма [XVI съезд 1935, с. 157].

Каковы были социальные и психологические характеристики тех примерно 370 тыс. рабочих (по социальному происхождению), что перешли в самые различные управленческие структуры? Что отличало почти 900 тыс. рабочих-коммунистов, занятых на производстве? Развитые социологические службы 1920-х годов легко могли дать ответ на этот вопрос. Однако отчет ограничивался упоминанием о «четверти партийцев с производства, не вовлеченных в соцсоревнование», да о 32 тыс. коммунистах, исключенных за пассивность. Схематический доклад заканчивался столь же схематическими призывами: «шире развернуть подготовку партийных кадров», «усилить воспитательную работу», «покончить с пассивностью отдельных членов партии» и т.д. [XVI съезд 1935, с. 163, 169]. Отчет – ни по форме, ни по сути – не предназначался для обсуждения и тем более для осмысления, открывая эру

«информационного безмолвия», в которой выборочные статистические данные и субъективные суждения не подвергались сомнению.

Открывая прения по докладам, секретарь ЦК КП Украины П.П. Постышев [XVI съезд 1935, с. 198–203] в довольно краткой речи представил делегатам съезда жесткую схему выступления партийного работника: безусловное одобрение политики ЦК во главе со Сталиным, сводку местных успехов в промышленности и в ходе коллективизации, осуждение «правого оппортунизма» (ни малейшей попытки рассмотреть аргументы оппонентов предпринято не было). Постышев, неоднократно выступавший на Пленумах ЦК 1928 г. с рационалистических позиций, в июне 1930 г. поддержал концепцию безальтернативности сталинскому курсу.

Особый интерес представляет выступление ответственного секретаря Челябинского окружного комитета ВКП (б) А.И. Финковского, обвинившего председателя СНК СССР А.И. Рыкова в отстаивании «правого курса» в его выступлении на X Уральской областной партийной конференции в июне 1930 г. «Мы уральские большевики требуем от своего XVI съезда, чтобы был положен предел пропаганде правого оппортунизма, – заявил партийный работник, “назначенец”, проработавший на Урале всего полгода» [XVI съезд 1935, с. 218]. Выступление Финковского стало сигналом заранее подготовленного потока обвинений в адрес А.И. Рыкова – главы советского правительства.

Первый секретарь Северо-Кавказского крайкома партии А.А. Андреев подчеркнул, что партия требует от лидеров правых «иных признаний, иного раскаяния». Требование осталось в тот момент без расшифровки: у хорошего сценария предполагается интрига. «Разоружение и саморазоблачение правых», по мысли Андреева, должны были позволить осуществить «бешеные темпы» социалистического переустройства деревни. Правда, с учетом признания Андреева в том, что колхозы, «составленные главным образом из бедняков и маломощных середняков... в отношении вооруженности тягловой силой и всем прочим находятся в неизмеримо худших условиях, чем единоличные хозяйства»(!), «бешеные темпы» выразились в 1930 г. только в росте площадей посевов коллективных хозяйств [XVI съезд 1935, с. 221, 222, 224].

Следующим с обвинениями выступил первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Ф.И. Голощекин, обвинивший «группу Бухарина» в сознательном «невыполнении постановлений XV съезда партии и борьбе против» [XVI съезд 1935, с. 236].

Но это были еще мероприятия всего лишь по «разогреву» делегатов съезда. «Главную партию» на сей раз исполнил Б.П. Шеболдаев, первый секретарь Нижне-Волжского крайкома ВКП (б), верный сторонник Сталина на всех пленумах ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. Сторонники сохранения нэповской экономики первоначально обвинялись в открытом «правооппортунистическом» выступлении, затем – «в вырождении целых групп на основе правой

платформы в явно контрреволюционные организации ... мобилизующие силы для борьбы с партией и советской властью». Не хватало только боевой группы сторонников правых, готовящих «вооруженное антисоветское восстание», – и Шеболдаев «нашел» такую группу [XVI съезд 1935, с. 248].

Рубикон был перейден: борьба идей трансформировалась в войну на уничтожение. Вина сторонников «правых» не вызвала сомнений; речь шла уже не о теоретических ошибках, а о политических преступлениях. На этом основании Шеболдаев потребовал удаления «правых» как «непосредственной агентуры кулачества в нашей партии» из состава ЦК. Свою речь он завершил словами: «покончить и добить» [XVI съезд 1935, с. 249]. Шел только третий день работы съезда.

Казалось, к приведенным выше обвинениям было нечего добавить, но в выступлении первого секретаря Горьковского (Нижегородского) крайкома ВКП (б) А.А. Жданова прозвучал новый мотив – унижение. Слова лидеров правых были уподоблены «жалкому, поистине детскому лепету, беспомощному лепету, полному лицемерных противоречий». Подчеркнутой беспомощности «правых» Жданов противопоставил «величайшую мудрость нашего партийного руководства ... своевременно выбравшего момент ... для перехода к решающему наступлению, к политике ликвидации кулачества как класса, к политике переустройства сельского хозяйства на социалистических началах, на базе сплошной коллективизации» [XVI съезд 1935, с. 253]. Слова из приветствий, звучащих в первый день работы съезда, – о «вожде, верном и лучшем ученике Ленина» – на четвертый день соединились с утверждениями о «сталинской мудрости», ставя действия Генерального секретаря вне критики.

Атака на оппозиционеров на партийном форуме должна была расчистить почву для безусловного выполнения директив Центра и в принципе искоренить любую возможность самостоятельного мышления. В такой обстановке вечером 29 июня 1930 г. слово было предоставлено М.Е. Томскому и А.И. Рыкову.

Свою речь член Политбюро ЦК ВКП (б) Томский (руководитель профсоюзов в 1922–1929 гг.) начал с того, что призыв к покаянию недостойн большевика («сам термин “покаяние” – не наш термин, церковный термин») [XVI съезд 1935, с. 259]. «Смех», зафиксированный в протоколе, был первой положительной реакцией делегатов.

Далее Томский четко обозначил свою позицию: мы («правые») были неправы в том, что, начиная с июльского Пленума ЦК 1928 г., считали, что трудности хлебозаготовок можно смягчить путем уступок среднему крестьянству, сохраняя и развивая товарные отношения с деревней. Партия приняла иные решения, и мы целиком и полностью подчиняемся им. Мы недооценивали возможности ускоренной индустриализации, ее роли в социалистическом переустройстве страны – и вновь признаем свои ошибки [XVI съезд 1935, с. 262].

Томский подробно рассказывал о допущенных ошибках и их теоретических предпосылках. Судя по долгому отсутствию реплик из зала (обычных для третирования оппозиционеров), делегаты внимательно слушали недавнего профсоюзного лидера. Судя по частой ремарке «смех», слушали с пониманием [XVI съезд 1935, с. 259–271]. Томский подчеркнул: «В своей борьбе против ЦК я был неправ с начала до конца. Что еще нужно после этого?» Вопрос был обращен ко всем присутствующим, но Томский задал его персонально Андрееву, требовавшему «иных признаний, иного раскаяния». Ответ Андреева – об «отсутствии претензий» к Томскому – был, по сути, скромной победой разума и логики в пространстве лжи и передергивания фактов.

Скромной – потому, что соответствующее понимание партийной дисциплины и интересов партии привело Томского к отречению от рационалистической линии на сохранение нэповской экономики и заявлению: «Всякая оппозиция, всякая борьба против линии партии в условиях диктатуры пролетариата – недопустима» [XVI съезд 1935, с. 265]. Аплодисменты Томскому свидетельствовали о том, что честь участников прошлых открытых дискуссий была сохранена... путем признания недопустимости дискуссий в будущем.

Следующее выступление – речь главы правительства А.И. Рыкова – мало чем отличалось от тезисов Томского. Об этом сказал сам Рыков, заявив, что нападки на его речь в Свердловске 6 июня 1930 г. беспочвенны: в ряде мест его доклада были приведены цитаты из сталинских выступлений [XVI съезд 1935, с. 280–281].

Выступление Рыкова было делегатами съезда в целом воспринято спокойно, но смех уже не сопровождал слова председателя СНК, а нечастые реплики тем не менее стремились «уколоть» докладчика. Четвертый день съезда завершился на относительно миролюбивой ноте.

Ход работы съезда мог пойти не по намеченному сценарию, и в бой двинули «тяжелую артиллерию». Выступление С.М. Кирова должно было превратить обсуждение Отчетного доклада ЦК в обвинительный процесс. Киров, в отличие от Финковского, не сравнивал «правых» с контрреволюционерами, не «находил» уже созданные боевые антипартийные и антисоветские организации, не позволял себе оскорбительных личных выпадов [XVI съезд 1935, с. 282–290].

Там, где уральский функционер фактически ставил под сомнение саму возможность сохранения для Рыкова и его соратников гражданских прав, лидер ленинградских большевиков «только» выводил сторонников правых из активной партийной жизни. Для верных сталинцев применение карательных мер по отношению к правым уже не подлежало сомнению: их жизненный и политический опыт, персонализированное отношение к старым большевикам варьировали только меру ответственности или жестокости.

Дискуссия на пленумах ЦК 1928–1929 гг. была подана Кировым как столкновение двух курсов: марксистского и антимарксистского. Доводы защитников нэповского варианта даже не обсуждались, но приговор НЭПу был вынесен: «Линия правого оппортунизма в случае победы правых неизбежно привела бы к восстановлению капитализма» [XVI съезд 1935, с. 282].

Вслед за Кировым выступил первый секретарь Уралобкома И.Д. Кабаков. Выступление Кабакова в честь «мудрой политики» ЦК, добившегося резкого увеличения показателей первого пятилетнего плана, продолжилось обличением действий Н.И. Бухарина как идеолога нэповской экономики; Томского как лидера ВЦСПС, не подчинявшегося в ряде случаев партийной дисциплине; Рыкова – как политика, недооценившего роль классово-борьбы в стране [XVI съезд 1935, с. 290–295].

Но вместе с тем партийные работники – делегаты съезда научились чутко улавливать «градус накала» на съезде. В словах Кирова содержалась возможность «исправления» правых, Кабаков обнаружил «позитивные изменения» в позиции Рыкова в последние недели июня: «За время от Уральской конференции до XVI съезда он резко изменился в лучшую сторону» [XVI съезд 1935, с. 294–295].

Диапазон последующих выступлений включал и понимание действий «правых» как ошибок товарищей по партии (например, у председателя СНК Украины В.Я. Чубаря, председателя центрального исполкома (ЦИК) УССР Г.И. Петровского), и квалификацию действий оппонентов как *близких к прямым контрреволюционным организациям* (первого секретаря КП Украины С.В. Косиора, члена ЦКК ВКП (б) М.Ф. Шкирятова) [XVI съезд 1935, с. 303, 323]. Если у того же Чубаря обличение «правых» составило только часть выступления, то у его же соратника по работе на Украине С.В. Косиора это стало основным содержанием. Выделим и общее: выступающие делегаты обязывали лидеров «правых» отречься от своих взглядов.

Ряд выступлений делегатов (например, заместитель председателя СНК и СТО СССР Я.Э. Рудзутак) практически копировал речь Кирова. При этом тезис Рудзутака «не бей Бухарина, а бей его идею» [XVI съезд 1935, с. 366] позволял лидерам «правых» вернуться к активной политической жизни.

Своеобразным оказалось выступление Н.К. Крупской [XVI съезд 1935, с. 376–384]: неоднократное обращение к ленинским цитатам должно было напомнить партии о подлинном вожде и учителе большевиков. Основание необходимости сплошной коллективизации подкреплялось ссылками на опыт Гражданской войны. Крупская пыталась заострить вопрос на борьбе с советским бюрократизмом, однако реплики из зала подталкивали ее к обличению правых, и сторонница Бухарина и Рыкова на пленумах ЦК 1928–1929 гг. оправдала ожидания аудитории.

Демонстративное многократное упоминание имени Ленина не могло не пройти незамеченным на 10-м заседании съезда 1 июля 1930 г. Выступавший вслед за Крупской первый секретарь Московского губкома, затем обкома ВКП (б) К.Я. Бауман заявил, что «полностью оправдалась характеристика Ленина о Сталине как о выдающемся вожде современного ЦК нашей партии», «герое своего класса, чье имя окружено любовью рабочих и крестьянских масс». Здравица в честь «Сталина-вождя победоносной коммунистической партии и всего рабочего класса» [XVI съезд 1935, с. 390–391] завершала расстановку дефиниций среди партийных лидеров и определений внутри самой партии.

Многое на XVI съезде носило знаковый характер, символизируя ту или иную реакцию команды сталинистов на изменение ситуации. Показательной в этом плане можно считать речь представителя Путиловского завода П.А. Алексеева. Как заявил Алексеев, «рост нашей промышленности проходит в условиях колоссального сопротивления классовых врагов, в условиях колебаний и шатаний части членов партии, объективно способствующих нашему классовому врагу». Далее делегатам съезда было сообщено: на Путиловском заводе действовала и была обезврежена вредительская организация, сознательно срывающая выполнение плановых заданий, дискредитирующая создание советских тракторов, целенаправленно ухудшая качество техники. «Все эти цели вредительская организация могла осуществлять ... благодаря проявлению правого уклона». В свою очередь преодоление «правого» уклона позволило бы наращивать количественные показатели выпуска продукции [XVI съезд 1935, с. 394–396].

Невозможно говорить о наличии какого-то антисталинского сценария на съезде, но каждый призыв приравнять правых к контрреволюционерам наталкивался на ответный выпад. Наиболее четко он прозвучал в речи С.И. Сырцова. Руководитель правительства РСФСР явно критически говорил о хозяйственных вопросах. В период «великого перелома», т.е. с осени 1929 г. «произошло ухудшение качества промышленной продукции» – и это было именно «то явление, которое должно приковать внимание и съезда, и всех хозяйственных организаций». «Мне кажется, – констатировал Сырцов, что 1930/31 год должен стать исходным в деле изживания или, во всяком случае, смягчения некоторых диспропорций и, в особенности, в деле изживания разрыва между количеством и качеством продукции» [XVI съезд 1935, с. 399].

Примеры огромных материальных потерь из-за брака продукции в выступлении Сырцова соседствовали со случаями вопиющего формализма в организации «социалистического соревнования», а также с «перегибами и ошибками» в ходе коллективизации, обернувшимися только в животноводстве потерями на сумму в 3 млрд руб., порождая вопрос о взаимосвязи этих явлений [XVI съезд 1935, с. 400–403].

Для понимания масштаба экономического и социального бедствия следует вспомнить, что по решению Ноябрьского (1929) пленума ЦК ВКП (б) капитальные вложения в планируемую промышленность и электрификацию на пятилетие увеличивались на 43%: с 2,8 млрд руб. (вариант Пятилетнего плана одобренный Пятым съездом Советов СССР в мае 1929 г.) и должны были составить 4 млрд руб. [Как ломали НЭП 2000, с. 547]. *Средства на строительство новых и реконструкцию старых предприятий за пятилетие оказывались сопоставимы со стоимостью леворадикального сталинского эксперимента осенью 1929 – зимы 1930 г.!*

И только в конце речи Сырцова, в качестве своеобразного «довеска», прозвучали слова осуждения «правых» [XVI съезд 1935, с. 406]. Показательно, что попытка председательствующего на заседании прервать Сырцова – натолкнулась на противодействие зала [XVI съезд 1935, с. 405]. Делегаты съезда словно вспомнили, что присутствуют на обсуждении Политического доклада ЦК, а не судебном процессе по делу оппозиционеров.

И вновь линия работы съезда изменилась: тема обличения оппортунистов перестала быть доминирующей. Она теперь сочеталась с проблемами кооперации отдельных регионов и предприятий промышленности; вопросами распространения партийной литературы.

Особняком стояло выступление наркома внутренней и внешней торговли А.И. Микояна, попытавшегося интерпретировать взгляды «правых» как систему взглядов мелкобуржуазного либерализма, враждебных генеральной линии партии. Более того, «виднейшие члены ЦК, в прошлом – лидеры нашей партии», по словам наркома, превратились в «глашатаев интересов чуждых классов». Однако приступив к изложению успехов советской власти в деле обеспечения населения продовольствием, коснувшись проблемы переработки мясных отходов, Микоян заявил: «Наша страна, будучи нищей, является самой расточительной в силу своей отсталости» [XVI съезд 1935, с. 456, 453].

И вновь речь предшествующего оратора становилась образцом для следующего выступления. Л.И. Мирзоян, ответственный секретарь Пермского окружкома ВКП (б), осудив «правых» за недостаточную поддержку уральской экономики, в частности Кизеловского угольного бассейна, но обратившись к причинам, мешающим форсированному развертыванию Урало-Сибирского комбината, обнаружил их «в скверных условиях, в каких живет уральский рабочий». «Условия настолько тяжелые, что трудно себе представить. В крупнейших рабочих поселках, на заводах нет бань, нет клубов, нет мощеных улиц. Заработная плата уральского рабочего на 20% ниже средней союзной зарплаты. Вопросы благоустройства – в загоне» [XVI съезд 1935, с. 474].

Если в выступлении Сырцова, пусть мельком, но проглянула драма российской деревни, пережившей потрясение сплошной коллективизации, то

в речи Мирзояна была озвучена (в локальном разрезе) цена индустриализации для советских рабочих. Запрограммированное обсуждение Отчетного доклада ЦК не должно было затрагивать действительное положение населения, но реалии провинции, периодически, вырывались у региональных лидеров.

Завершая обсуждение, в заключительном слове Сталин говорил о том, что на XVI съезде «не нашлось даже маленькой группы или даже отдельных товарищей, которые считали бы правоммерным выйти здесь на трибуну и заявить о неправильной линии партии». Как о свершившемся факте генсек сообщил о том, что «мы уже вступили в СССР в период социализма», аргументируя такой тезис «реконструируемой промышленностью, развитой системой совхозов и колхозов, имеющих более 40% всех посевов в СССР только по одному лишь яровому клину, умирающей “новой” буржуазией в городе, умирающим кулачеством в деревне» [XVI съезд 1935, с. 518, 519]. Слово «умирающая» у Сталина не было закавычено: судьба представителей «чуждых» классов руководителя большевистской партии не интересовала.

Сталин утверждал, что от бывших лидеров правой оппозиции не требуется ни раскаяния, ни самобичевания. «Никогда наша партия ...не пойдет на то, что может унижить членов партии». Однако сразу же после такого гуманистического заявления генсек потребовал, чтобы оппоненты признали свой прежний курс – дорогой к пропасти, «к победе капитализма ... заклеямили его как антиленинский» [XVI съезд 1935, с. 520]. Главе советского правительства и его сторонникам было предложено «добровольно» назвать себя преступниками – и после этого присоединиться к правящей партии!

Генсек привел ряд примеров, выставляющих в смешном и унижительном свете лидеров «правых» и преуспел в этом. «Гомерический хохот всего зала – было зафиксировано в Стенографическом отчете съезда» [XVI съезд 1935, с. 524]. После такого смеха делегатам съезда легче было принимать резолюцию по Отчетному докладу, «целиком и полностью одобряющему деятельность ЦК ВКП (б)», и признающую «взгляды правых несовместимыми с принадлежностью к ВКП (б)» [XVI съезд 1935, с. 534].

По традиции 1920-х годов на съездах партии особое место занимал отчет ЦКК, представлявший своего рода аналитический взгляд на жизнь партии. Вот и в выступлении С.Г. Орджоникидзе просматривался определенный замысел: дать критический анализ всех сторон партийной, государственной и хозяйственной жизни. Отчет ЦКК начался с традиционного для XVI съезда сюжета: обличения «правых». Бухарину как идеологу «правых» ставилось в вину требование установления плановых показателей исходя из наличия материальных ресурсов. Предупреждение «правых» о возможности голода в стране при форсировании коллективизации было названо «капитуляцией перед трудностями нашего хозяйственного развития» [XVI съезд 1935, с. 536–537].

Однако сложности реализации индустриального проекта требовали осмысления – и Орджоникидзе обратился к хозяйственной практике. Множество приведенных примеров неумелого хозяйствования в советской промышленности имели, по выражению Орджоникидзе, двойное происхождение: вредительскую позицию специалистов («почти все старые кастовые инженеры не сочувствовали новому строю и сделали членами контрреволюционных организаций» (!) – цитировал Орджоникидзе письмо арестованного профессора Горной академии), выразив при этом благодарность органам ГПУ за «оперативный разгром вредительских организаций» [XVI съезд 1935, с. 568–569].

Вторая причина заключалась в недостаточной загруженности и нерациональном использовании производственных мощностей [XVI съезд 1935, с. 541–552]. Рецепт преодоления такой проблемы у руководителя ЦКК не отличался сложностью и заключался в максимальном использовании каждого станка и агрегата («надо добиться того, чтобы ни один станок, ни одна машина, ни один квадратный метр площади наших заводов и фабрик не оставались неиспользованными»). Одновременно Орджоникидзе поставил вопрос о масштабном привлечении высококвалифицированных инженеров, техников и рабочих из Европы и Америки [XVI съезд 1935, с. 551].

Поразительно, но представитель «партии рабочего класса» не произнес ни слова о роли самих советских рабочих в подъеме производительности труда. За пределами отчета ЦКК остались также инженеры и техники, ученые советской промышленности.

Простотой управленческого решения отличались и кадровые вопросы. Чистка в среде советских служащих должна была избавить советский аппарат от «чуждых элементов» – представителей непролетарских слоев [XVI съезд 1935, с. 552–553].

Выдвиженчеству («орабочиванию» состава управленцев) отводилась роль повышения эффективности работы властных структур. Способны ли 200–300 тыс. рабочих, предполагаемых к выдвижению в аппарат, без управленческой подготовки и операционных навыков, оздоровить органы управления – такой вопрос на съезде не рассматривался. Между тем вне обсуждения остался и вопрос об эффективности института выдвиженчества. С количественной точки зрения эффективность этого невелика: «Даже во время чистки число выдвиженцев оставалось в довольно пустяковых размерах – от 2% до 6%» [XVI съезд 1935, с. 564].

Что же касается чистки в рядах самой партии, то она должна была оставить за пределами партийных организаций инакомыслящих. Такая угроза была декларирована и в отношении бывших «правых», в случае их отказа от самооблачения [XVI съезд 1935, с. 581].

В обсуждении отчета ЦКК, с которым выступил Орджоникидзе, приняли участие многие старые большевики. Значительная часть ветеранов партии

(В.И. Межлаук, Н.П. Брюханов, А.А. Сольц, А.С. Енукидзе, Н.В. Крыленко, Р.С. Землячка) практически воздержались от критики «правого» уклона, причем Сольц указал на формальный подход в ходе чистки партийных рядов: из 130 тыс. «вычищенных» партийцев 30–40% были вскоре восстановлены в партии. Он также отметил случаи жестокого применения уголовных наказаний за мелкие правонарушения [XVI съезд 1935, с. 638].

Показательно, что старые большевики и на XVI съезде демонстрировали свою специфическую политическую культуру, отражающую их традиции, статус и привилегии [Гетти 2016, с. 63].

В заключительном слове Орджоникидзе по обсуждению отчета ЦКК прозвучала некоторая растерянность по поводу скрытого недовольства части делегатов критическим тоном его выступления. Орджоникидзе пришлось несколько раз приводить высказывания Ленина о задачах и роли ЦКК. Впрочем, «съезд целиком и полностью одобрил политическую линию и практическую работу ЦКК» [XVI съезд 1935, с. 717].

Десятый день работы съезда можно было бы считать успешно завершившимся, если бы не «одно но»: *делегаты и не приступали к рассмотрению вопросов реализации индустриального проекта и хода сплошной коллективизации.*

Политические и внешнеполитические сюжеты отодвинули на второй план экономику, предоставив уже уставшим делегатам в последующие девять дней заниматься глобальными проблемами «социалистического переустройства». Однако еще два дня работы съезда ушли на обсуждение отчета делегации ВКП (б) в ИККИ [XVI съезд 1935 а, с. 719–839].

Только 7 июля (на 13-й день работы съезда) делегатам партийного форума был представлен доклад В.В. Куйбышева «О выполнении пятилетнего плана промышленности» [XVI съезд 1935 а, с. 840–890].

Доклад Куйбышева существенно отличался от его предшествующих аналогичных выступлений на пленумах ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг., в которых председатель ВСНХ говорил *о перспективах* развития индустрии СССР, активно дискутируя с докладами о пятилетнем плане председателя Госплана Г.М. Кржижановского. 7 июля 1930 г. оппоненты отсутствовали в принципе. Речь Куйбышева носила преимущественно пропагандистский оттенок, была заполнена утверждениями о неминуемых достижениях как еще незавершенного, так и будущего хозяйственного года.

Уже в начале доклада («съезд собрался в год великого перелома и является свидетелем величайших достижений в работе социалистической промышленности») задавался тон последующим выступлениям, т.е. фактически рекомендовалось говорить только об успехах. В издевательской манере высмеивались буржуазные и советские экономисты, в этих успехах сомневающиеся [XVI съезд 1935 а, с. 840–841].

Из доклада Председателя ВСНХ следовало, что плановый показатель роста промышленной продукции на 1928–1929 гг. в реальности был превзойден только на 2,3%, однако препятствий для увеличения темпов роста в 1,5 раза в 1929–1930 гг. и в 2 раза (!) в 1930–1931 гг. Куйбышев не обнаружил. Проблемы должны были быть решены за счет резкого увеличения объема капиталовложений в промышленность [XVI съезд 1935 а, с. 840–841].

Куйбышев выстроил иерархию приоритетов «социалистической реконструкции промышленности»: на первом месте – масштабность промышленного строительства; на последнем, восьмом, – борьба за «скрытые резервы, борьба с (непроизводительными) потерями в промышленности, рационализация промышленности» [XVI съезд 1935 а, с. 844].

Нетрудно заметить: факторы, определяющие качества промышленной продукции, замыкали иерархию приоритетов советского правительства.

Подтвердив запланированную структуру капиталовложений (из 13,5 млрд руб. – 78% средств направлялись в тяжелую индустрию), Председатель ВСНХ заявил о возможности выполнения пятилетнего плана капитального строительства не в пять, а в 3,5–4 года. Сталинский посыл Политического доклада ЦК был услышан и поддержан. И только специалисты могли обратить внимание на то, что у руководителя экономического ведомства рост капиталовооруженности советских рабочих *автоматически* приводил к росту производительности труда [XVI съезд 1935 а, с. 845–846].

Вера в безграничные возможности управления экономикой не покидала Сталина и его сподвижников – отсюда вытекала и та легкость, с которой Председатель ВСНХ сообщил о способности Страны Советов «в ближайшие годы догнать и перегнать Европу и Америку» (по уровню энерговооруженности). Обоснованием такого вывода стало заявление о наличии резервов наших заводов «при минимальных вложениях, а иногда и без вложений» [XVI съезд 1935 а, с. 847–850].

Происхождение этих резервов, судя по ссылке на выступление Орджоникидзе, Куйбышев находил в преодолении фактов вопиющей бесхозяйственности на предприятиях и стройках госсектора, несущих многомиллионные потери.

Впрочем, вопрос о том – как, за счет каких факторов производственные коллективы должны преодолеть указанные недостатки – остался без ответа. «Одно обстоятельство» все-таки было указано: решение ЦК партии о резком увеличении плана производств чугуна с 10 млн т до 17 млн т. «Обстоятельство» сопровождалось примечательным комментарием: «Это решение ЦК состоялось недавно, и мы не успели еще проработать вопрос о том, какие последствия повлечет за собой это увеличение чугуна». Куйбышев явно поскромничал: в исторической литературе даже в советское время указывался

широкий круг *непроработанных вопросов*, связанных с «историческими» решениями ЦК [Лельчук 1975, с. 162–165].

Небольшая доза самокритики – ряд отраслей легкой промышленности не выполнил наметки пятилетнего плана – была тут же дезавуирована заявлением Куйбышева о недостаточном развитии сырьевой базы и категорическим отрицанием факта перекачки капиталов в тяжелую промышленность [XVI съезд 1935 а, с. 851–855].

Для придания достижениям первых лет пятилетки большего значения Куйбышев использовал апробированные Сталиным штампы: «Капитализм нам оставил почти полное отсутствие собственного машиностроения». Однако спустя весьма короткое время Председатель ВСНХ заявил, что «до войны машиностроительная промышленность по сравнимым ценам (приведенным к ценам 1926/1927 г.) дала приблизительно на 307 млн руб. продукции» [XVI съезд 1935 а, с. 859].

Учитывала ли приведенная величина стоимость продукции металлообработки и военного производства – сказать трудно. Между тем в 1913 г. в машиностроении *и металлообработке* России стоимость произведенной продукции равнялась 820 млн руб. (в 1928/1929 г. – 703 млн) [Динамика 1930, с. 10].

Недоговоренность и неточность информации не только прочно входили в политическое пространство и экономическую повседневность Советской страны, но и могли бы прочно доминировать, если бы не отраслевые и региональные реалии, не необходимость конкуренции с развитыми державами Запада.

Коснувшись машиностроения, ведущего комплекса отраслей промышленности, Куйбышев был вынужден заговорить другим языком: «Дороговизна наших машин и низкое их качество» превращаются в барьер для выполнения пятилетнего плана; «к сожалению, нужно признать, что в огромной массе мы выпускаем машины недостаточного качества и дорогие». Куйбышев назвал причины такого явления: «На заводах отсутствует специализация, отсутствует разделение труда, налицо повальное самообслуживание всех цехов, низкий коэффициент сменности» [XVI съезд 1935 а, с. 860].

Однако те делегаты съезда, которые отстаивали на пленумах ЦК 1928–1929 гг. курс на сохранение нэповской экономики, отчетливо понимали, что речь идет о следствиях, а не определяющих факторах. Официальное закрытие рыночных институтов разрушило экономические связи предприятий, заменив их системой снабженцев («толкачей») и грозными директивными указаниями. Что же касается качества работы промышленности, этот сюжет был купирован в докладе лозунгами, типа «большого внимания к рационализации производства, лучшей организации труда, более рационального использования сырья и оборудования» [XVI съезд 1935 а, с. 876].

Между тем проблема брака выпущенной продукции, даже по отдельным примерам, приведенным Куйбышевым, поражала своим масштабом: например, брак в текстильной и кожевенно-обувной отраслях достигал 40%; немногим лучше обстояло дело в металлургии [XVI съезд 1935 а, с. 877–878].

Призыв Куйбышева к «кооперации и специализации по примеру передовых предприятий Европы и Америки» неизбежно наткнулся на вопрос о заинтересованности управленческого звена. Кроме того, само качество управленческих решений зависело от *открытости и доступности* материалов для аналитики. Рост числа научно-исследовательских институтов, связанных с промышленностью (с 31 до 50 за 1927–1930 гг.), безусловно, решал только одну сторону проблемы – расширение информационного пространства, зачастую заключенного в мир не всегда доступных (в принципе и для понимания) научно-технических журналов. Не касаясь открытости аналитики, председатель ВСНХ указал на другую проблему: низкий уровень финансирования научно-исследовательских институтов. Как о решенном деле прозвучал тезис о сдвиге промышленности на Восток и о резком повышении удельного веса восточных районов в общесоюзных капитальных затратах [XVI съезд 1935 а, с. 861, 870, 874].

Небольшой раздел доклада был посвящен обеспечению промышленности кадрами. С учетом ограниченных возможностей системы ФЗУ предполагался «широчайший размах всех краткосрочных форм подготовки рабочей силы для производства и строительства». Форсированная техническая подготовка рабочих допускала и «обучение наскоро, быстро ... на краткосрочных курсах, через базы ЦИТ» и т.д. Председатель ВСНХ не скрывал бедственного положения дел с инженерами: при потребности в специалистах с высшим техническим образованием в 176 тыс. человек фактически в промышленности работали только 24 тыс. Тем не менее Куйбышев отказывал в доверии «многим специалистам, связанным со старым строем, и ... не выявляющих до конца своих знаний». Ставка была сделана на ускоренную подготовку студентов в технических вузах. Только пролетарское происхождение студентов, по мысли Куйбышева, могло гарантировать преданность специалистов социалистическому строительству [XVI съезд 1935 а, с. 886, 887].

Доклад завершался утверждением о том, что «бурный темп развития нашей промышленности сопровождался ... улучшением материального и культурно-бытового положения рабочих». Ухудшение реального положения трудящихся было хорошо известно и представителям столиц, и делегатам из провинций. Но в дни работы XVI съезда бездоказательная ложь, прозвучавшая в официальных выступлениях партийных вождей, обретала легитимность. Уже никто не обращал внимания на то, что Куйбышев в одном предложении упомянул и социалистическое соревнование, и новую форму – ударничество [XVI съезд 1935 а, с. 887–888].

Экономическая эффективность указанных форм организации труда мало интересовала партийных лидеров в год «великого перелома».

Обсуждение доклада В.В. Куйбышева «О выполнении пятилетнего плана промышленности» было недолгим – менее одного дня (8 июля) – и отражало степень заинтересованности Сталина и его ближайшего окружения в обсуждении проблем реализации Первого пятилетнего плана.

Многие выступающие не забывали критиковать «правых оппортунистов». Но чем дальше шло обсуждение, тем «градус» обвинений «правых» снижался, опустившись у председателя Исполнительного комитета Леноблсовета И.Ф. Кодацкого до сдержанной критики за «неактивное участие» в подготовке и реализации пятилетнего плана [XVI съезд 1935 а, с. 897].

Ряд делегатов вообще не упоминали лидеров «правых», обратившись к таким конкретным темам, как: бесхозяйственность в эксплуатации импортного оборудования, высокая текучесть кадров на многих предприятиях, низкое качество отечественных станков, узлов и инструментов для станков; формальность в организации соцсоревнования [XVI съезд 1935 а, с. 906–910, 915–918, 946–950]. Но приводимые примеры носили фрагментарный характер и не претендовали на обобщения.

Наряду с этим попытка регионального управленца, заместителя председателя Уралоблисполкома В.Ф. Андронникова, возложить вину за проблемы краевой промышленности на центральные органы и лично на Г.М. Кржижановского, вызвала отповедь не только соратников председателя Госплана, но и Куйбышева [XVI съезд 1935 а, с. 932–936, 988–989].

Особый интерес вызвало выступление Кржижановского – оппонента формально Куйбышева, а фактически Сталина – на пяти пленумах ЦК 1928–1929 гг. Руководитель Госплана (до ноября 1930 г.) потерпел поражение по всем позициям; сильно деформированный пятилетний план только частично сохранял черты работы ученых 1928 г. Доказывать свою «правоверность» соратнику Ленина было трудно, и ему пришлось оценивать работу Госплана по уровню партийности его сотрудников. Максимумом возможного для Кржижановского стало признание пятилетки «ленинской» и указать на опасность «увеличения (количественных) показателей путем фальсификации качества» [XVI съезд 1935 а, с. 984–989].

В заключительном слове Куйбышева содержалось признание развития отраслей, связанных с потреблением населения, как одной из важнейших задач; указывалось также завышение заявок на стройматериалы. О многом говорила и реплика о том, что «в экспорте СССР первостепенную роль заняли лес и нефть», а не экспорт зерна [XVI съезд 1935 а, с. 989–995].

Однако следует подчеркнуть: и сам доклад Куйбышева, и его сокращенное обсуждение на съезде партии носили явно второстепенное значение. Подобно подчеркнуто многословному, с частыми повторами многодневному

обсуждению и чисто формальному утверждению пятилетнего плана на Всероссийском и Всесоюзном съездах депутатов трудящихся в мае 1929 г.¹ – судьба Индустриального проекта для сталинской команды оказалась куда менее значимой, чем задача политической расправы с оппонентами.

Аналогичный вывод следует сделать и в отношении обсуждения первых результатов коллективизации в СССР: доклад народного комиссара земледелия СССР Я.А. Яковлева «О колхозном движении и подъеме сельского хозяйства» был представлен на вечернем заседании 9 июля 1930 г. (на 15-й день работы съезда), а уже на вечернем заседании 10 июля было завершено обсуждение доклада.

Доклад Яковлева [XVI съезд 1935 а, с. 997–1049] был построен на сопоставлении американского и советского путей создания крупного хозяйства в земледелии. Отметив стремительный рост технического парка в сельском хозяйстве США за 1919–1928 гг., Яковлев подчеркнул, что «произошел величайший переворот в методах и формах сельскохозяйственного производства», сравнимый с промышленной революцией. Однако расцвета американского сельского хозяйства, по утверждению Яковлева, не произошло! Столь категорическое заявление наркома, ровно полгода занимающего ответственную должность, базировалось на том, что «посевная площадь США осталась почти неизменной», в то время как «технические условия позволяли удвоить посевные площади» [XVI съезд 1935 а, с. 998–999]. Абсолютизация количественных, вторичных, по сути, показателей, привела наркома к еще одному выводу: технический парк США системой капитализма обречен на низкую эффективность [XVI съезд 1935 а, с. 1002].

Столь смелое заявление следовало бы подтвердить анализом динамики производства сельхозпродуктов в стране «загнивающего капитализма». Но такая статистика осталась только в указанных в ссылках отчетах Департамента земледелия США, переведенных на русский язык для «отдельных лиц». Но даже из минимального объема приведенной Яковлевым информации следовало, что за первую четверть XX в. у жителей Америки выросло потребление овощей и сахара; сохранился высокий уровень потребления картофеля, фруктов и мяса при сокращении потребления на 20% хлеба и хлебобулочных изделий. В принципе это было то самое, на что были нацелены советские социальные программы.

Необходимо отметить: там, где нужно было хотя бы косвенно оправдать сокращение поголовья скота в советской деревне, Яковлев спокойно сообщал, что в США за 1920–1928 гг. при уменьшении поголовья крупного рога-

1. Работа Всероссийского и Всесоюзного съездов депутатов трудящихся в мае 1929 г. представляет собой тему отдельного исследования.

того скота вырос выход мяса и сала, а при стабильности молочного стада увеличилось производство молока [XVI съезд 1935 а, с. 1020].

Советский путь создания крупного хозяйства в земледелии был представлен делегатам съезда как добровольное объединение миллионов крестьян в крупные *государственные* (так в тексте. – М. Ф.) хозяйства [XVI съезд 1935 а, с. 1004].

Главным и, фактически, единственным достоинством советского пути выступали гигантские размеры как всего колхозно-совхозного комплекса, так и масштабные посевные площади отдельных колхозов и совхозов. Яковлева не смущало, что технический парк советской деревни, в десятки раз уступая американскому, позволял освоить ограниченные территории; что весьма небогатые ресурсы (фонды) колхозов на 15–22% состояли из отобранного имущества у наиболее умелых крестьян-кулаков [XVI съезд 1935 а, с. 1004–1011]. Для управленца, вооруженного сталинским учением («основные принципиальные вопросы сельского хозяйства уже нашли свое разрешение в докладе т. Сталина»), – заявил в самом начале своего выступления Яковлев, – не составляло труда пообещать делегатам съезда удвоить производство мяса и молока в СССР к концу первой пятилетки.

Сорвать после такого обещания «бурные продолжительные аплодисменты» было весьма несложным делом. Куда труднее было скрыть масштаб падения производства сельскохозяйственной продукции: города и рабочие поселки уже были переведены на карточную систему. Миллионы крестьян были вынуждены покинуть родные места. Картина социальных и экономических последствий коллективизации оказалась на десятилетия «занавешена» пропагандистскими штампами и лозунгами.

Показательно, что выступающий при обсуждении доклада Яковлева Н.Н. Демченко, нарком земледелия УССР, невольно проговорился, назвав речь Яковлева «прекрасным обоснованием тезисов ЦК» [XVI съезд 1935 а, с. 1049]. Большинство из двух десятков делегатов, принявших участие в прениях по докладу наркома земледелия СССР, выразили полное одобрение «правильной политической и организационной линии ЦК нашей партии в деревне», радуя президиум съезда сообщениями о росте посевных площадей.

Короткие замечания делегатов: о забвении простейших видов сельскохозяйственной кооперации и распаде ее звеньев; о сокращении поголовья лошадей; высказывание Калинина о необходимости «в первые годы» сохранять и использовать индивидуальное крестьянское хозяйство, по крайней мере для наращивания поголовья свиней [XVI съезд 1935 а, с. 1070, 1100–1115] выглядели частными моментами той «праздничной атмосферы», которую задал Отчетный (Политический) доклад ЦК ВКП (б).

В своем завершающем слове Яковлев говорил о «демократическом потенциале» колхозов, способных самостоятельно, «без бюрократических

инструкций» решать многие практические вопросы [XVI съезд 1935 а, с. 1130]. Все это было спокойно воспринято делегатами: на 16-й день работы съезда мифологические конструкции уже воспринимались как должное.

На последние два дня работы съезда был оставлен доклад председателя ВЦСПС Н.М. Шверника «О задачах профсоюзов в реконструктивный период» и его обсуждение. Большую часть выступления Шверника [XVI съезд 1935 а, с. 1132–1168] заняло «обличение» прежнего «оппортунистического» руководства профсоюзов во главе с М.Е. Томским, «превратившегося в тормоз поступательного движения широчайших масс».

Судя по приведенным данным, 3/4 промышленных рабочих СССР были охвачены социалистическим соревнованием; половина из них составили ударные бригады. Правда, индивидуальных ударников было немного – 4,7% от числа всех рабочих. Однако бодрое утверждение председателя ВЦСПС о том, что «социалистическое соревнование и ударничество обеспечивают подъем производительности труда, выполнение промфинплана, быстрые темпы социалистического строительства», было подтверждено только на примере отдельных предприятий, мастерских и бригад. Как об отдельных случаях Шверник говорил о случаях формализма в организации ударничества, символического премирования рабочих-ударников.

Лидер советских профсоюзов не постеснялся выдать существенное понижение уровня жизни советских людей в 1929–1930 гг. за уверенное «улучшение материального положения и быта рабочих». Широкомасштабные недостатки в снабжении рабочих поселений были списаны на «вопиющие безобразия в кооперации, имеющей нэпмановский душок». Но и этот вопрос решался достаточно просто: шефство рабочих над кооперацией должно было снять проблему нехватки продуктов и товаров, а также и их низкого качества [XVI съезд 1935 а, с. 1155–1157]. Партийный контроль за всеми сторонами деятельности профсоюзов рассматривался как гарантия эффективности профсоюзного движения.

Короткое обсуждение выступления председателя ВЦСПС напоминало семинар по внутривнутрипартийной работе. Жизнь, конкретные проблемы рабочих в трудные посленэповские годы остались где-то в другом мире. Постановление съезда о задачах профсоюзов в реконструктивный период ставило две главные цели. Первая из них – «организация ударничества и борьбу с бюрократами, старающихся опозлить и задушить социалистическое соревнование» [XVI съезд 1935 а, с. 1288]. Более простой выглядела вторая задача. Форсированная индустриализация и насильственная коллективизация получили мифологизированное обоснование в заключительной речи Калинина: «Мы вплотную подходим к социализму... Съезд продемонстрировал полное свое единство и крепкую сплоченность вокруг ленинского руководства, возглавляемого т. Сталиным». Не хватало одной детали, и она прозвучала

в здравнице «с мест»: «Да здравствует Сталин!» [XVI съезд 1935 а, с. 1239, 1240].

На вопрос: стал ли XVI съезд полной победой генсека? – следует дать скорее отрицательный ответ. Во-первых, посвятив 16 из 28 (полноценных по времени) заседаний съезда, формально – обсуждению отчета ЦК, а фактически – обличению «правых», Сталин добился только частичного нужного эффекта: большинство делегатов склонны были говорить об «ошибках» сторонников НЭПа, но не о «преступлениях». В составе ЦК, избранного делегатами съезда, остались Бухарин, Рыков, Томский. В Политбюро ЦК – Рыков. Во-вторых, сумма критических «крупинок» (выделим особо выступление С.И. Сырцова) (подробно см.: [Кислицын 2014]) в выступлениях делегатов создавала мозаичную, но обширную картину провалов и недостатков советской экономики лета 1930 г.

В-третьих, вскоре после XVI съезда «единство и крепкая сплоченность» ВКП (б) дали трещину с появлением ряда антисталинских групп (подробно см.: [Такер 2013, с. 257–261]). В-четвертых, сталинский сценарий съезда сознательно обходил обсуждение реальных проблем индустриализации и коллективизации: вскрытие подлинной картины экономического и социального кризиса в стране могло подтвердить правоту оппонентов, в том числе главы правительства Рыкова. «Осмысление» социальных и экономических процессов первой пятилетки было отложено «на потом». Но индустриальный проект, став объективным, «самостоятельным» участником жизни советской эпохи, требовал решения своих проблем.

Длительной атакой, направленной на унижение и политическое уничтожение оппонентов, Сталину частично удалось отвлечь внимание делегатов съезда от подлинных виновников коллапса в экономике, выдав тяжелые последствия коллективизации за особые формы форсированной индустриализации в форме социалистического строительства.

Можно было подобрать нужный состав съезда: 85% делегатов являлись функционерами – работниками партийных, профсоюзных, советских и других организаций и учреждений [XVI съезд 1935 а, с. 1252].

Однако поставленная Центром задача выполнения пятилетнего плана – наряду с ответственностью – породила встречные требования и постоянные конфликтные ситуации. В период 1931–1936 гг. эти требования будут идти по нарастающей, пробуждая у представителей хозяйственной и (реже) государственной и партийной элиты понимание происходящего [Фельдман 2011]. Неслучайно, оценивая работу съезда, Такер пишет о «в лучшем случае... показном сплочении рядов партийного руководства» [Такер 2013, с. 257]. За кулисами съезда остался «заметный разлад» в отношениях Сталина и партийных чиновников регионального звена, на которых генсек переложил ответственность за провалы коллективизации [Хлевнюк 2010, с. 66].

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Главная цель проведения XVI съезда ВКП (б), поставленная Сталиным и его командой, – скрыть реальное состояние советской экономики после волонтаристских экспериментов – формально была достигнута: документы партийного форума на долгие десятилетия внесли мифологизированные оценки в историческую литературу и учебные пособия, в сознание людей. Но там, где делегаты говорили о проблемах своего предприятия, региона, конкретных хозяйственных вопросах, туман иллюзий рассеивался, подталкивая к осмыслению происходящего.

Библиография

- Верт Н. История советского государства, 1900–1991. М.: Прогресс-Академия, 1992. 480 с.
- Гетти А. Практика сталинизма: большевики, бояре и неумирающая традиция. М.: РОССПЭН, 2016. 377 с.
- XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 июня – 13 июля 1930. М.: Партиздат, 1935. Т. 1. 719 с.
- XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 июня – 13 июля 1930. М.: Партиздат, 1935 а. Т. 2. С. 720–1344.
- Динамика российской и советской промышленности. Ч. 3: Промышленность 1912, 1913, 1915, 1929, 1925 / 26 гг. М.; Л.: Госиздат, 1930. 204 с.
- История Коммунистической партии Советского Союза. М.: РОССПЭН, 2014. 671 с.
- История советского рабочего класса: в 6 т. М.: Наука, 1984. Т. 2. 511 с.
- История социалистической экономики СССР: в 7 т. М.: Наука, 1980. Т. 3. 535 с.
- Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б). 1928–1929 гг. В 5 т. Т. 5. Пленум ЦК ВКП (б). 10–17 ноября 1929. М.: Демократия, 2000. 699 с.
- Кислицын С.А. Председатель Совнаркома Советской России Сергей Сырцов: Из истории формирования антисталинского сопротивления в советском обществе в 1920–1930-е годы. М.: URSS, 2014. 254 с.
- Лельчук В.С. Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М.: Наука, 1975. 312 с.
- Такер Р. Сталин – диктатор. У власти. 1928–1941. М.: Центрполиграф, 2013. 800 с.
- Фельдман М.А. Две тенденции государственной экономической политики в середине 1930-х гг., или Пять дней из жизни Г.К. Орджоникидзе // Экономическая история. Обзорение. Вып. 15. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 86–95.
- Фельдман М.А. Конец «романтической» эпохи (Дискуссия на Апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП (б) о выборе пути, форм и методов «социалистической» модернизации) // Общественные науки и современность. 2019. № 3. С. 135–148.
- Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 480 с.

References

- XVI s'ezd Vsesojuznoj Kommunisticheskoj partii (b). 26 ijunja – 13 ijulja 1930 [XVI Congress of the All-Union Communist Party (b). June 26 – July 13, 1930]. Moscow: Partyzdat, 1935. Vol. 1. 719 p. (In Russ.)

XVI s'ezd Vsesojuznoj Kommunisticheskoj partii (b). 26 ijunja – 13 ijulja 1930 [XVI Congress of the All-Union Communist Party (b). June 26 – July 13, 1930]. Moscow: Partyzdat, 1935 a. Vol. 2. P. 720–1344. (In Russ.)

Dinamika rossijskoj i sovetsoj promyshlennosti [Dynamics of Russian and Soviet industry]. Vol. 3: Promyshlennost' 1912, 1913, 1915, 1929, 1925 / 26 gg. [Industrial history of 1912, 1913, 1915, 1929, 1925 / 26]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1930. 204 p. (In Russ.)

Feldman M.A. Dve tendencii gosudarstvennoj ekonomicheskoj politiki v seredine 1930-kh gg., ili Pyat' dnej iz zhizni G.K. Ordzhonikidze [Two tendencies of the state economic policy in the middle of the 1930s, or Five days from the life of G.K. Ordzhonikidze]. Ekonomicheskaya istoriya [Economic history]. Review. Op. 15. Moscow: Moscow State University Publishing House, 2011. P. 86–95. (In Russ.)

Feldman M.A. Konets «romanticheskoy» epokhi (Diskussiya na Aprel'skom (1929 g.) Plenumе CK VKP (b) o vybore puti, form i metodov «socialisticheskoy» modernizacii) [The end of the «romantic» epoch (Discussion at the Upper Rila (1929) Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b) on the choice of path, forms and methods of «socialist» modernization)]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity]. 2019. N 3. P. 135–148. (In Russ.)

Getty A. Praktika stalinizma: bol'sheviki, bojare i neumirajushhaja tradicija [The practice of Stalinism: the Bolsheviks, boyars and the undying tradition]. Moscow: ROSSPEN, 2016. 377 p. (In Russ.)

Istoriya Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Soyuza [History of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow: ROSSPAN, 2014. 671 p. (In Russ.)

Istoriya socialisticheskoy ekonomiki SSSR [History of Socialist Economy of the USSR]: in 7 vol. Moscow: Nauka, 1980. Vol. 3. 535 p. (In Russ.)

Istoriya sovetsoj rabochego klassa [History of Soviet working class]: in 6 vol. Moscow: Science, 1984. Vol. 2. 511 p. (In Russ.)

Kak lomali NEP. Stenogrammy plenumov CK VKP (b). 1928–1929 gg. [How the NEP was broken. Transcripts of plenums of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b). 1928–1929]: in 5 vol. Vol. 5. Plenum CK VKP (b). 10–17 noyabrya 1929 [Plenum of CC VKP (b). November 10–17, 1929]. Moscow: Democracy, 2000. 699 p. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. KHozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury [Host. Stalin and Stalinist dictatorship approval]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 480 p. (In Russ.)

Kislitsyn S.A. Predsedatel' Sovnarkoma Sovetskoy Rossii Sergej Syrcov: Iz istorii formirovaniya antistalinskogo soprotivleniya v sovet'skom obshchestve v 1920–1930-e gody [Chairman of the Council of People's Commissars of Soviet Russia Sergey Syrtsov: From the history of the formation of anti-Stalinist resistance in the Soviet society in the 1920s–1930s]. Moscow: URSS, 2014. 254 p. (In Russ.)

Lelchuk V.S. Socialisticheskaya industrializaciya SSSR i ee osveshchenie v sovetsoj istoriografii [Socialist industrialization of the USSR and its coverage in Soviet historiography]. Moscow: Nauka, 1975. 312 p. (In Russ.)

Tucker R. Stalin – diktator. U vlasti. 1928–1941 [Stalin – dictator. In power. 1928–1941]. Moscow: Centropolisgraph, 2013. 800 p. (In Russ.)

Vert N. Istorija sovetsoj gosudarstva, 1900–1991 [History of the Soviet State, 1900–1991]. Moscow: Progress-Academy, 1992. 480 p. (In Russ.)